

ИЗ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЭТИКИ

А.Е. Махов

ОТ НАЦИОНАЛЬНЫХ «LITERATURGESCHICHTEN» К «НАУКЕ О ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»: ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОЛОГИИ. Ч. 3: «НАУКА О ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»*

Аннотация. Книга Эрнста Роберта Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» соотнесена в статье с жанром «истории национальной поэзии», который был одним из ведущих в немецкой филологии XIX в. В этом контексте книга Курциуса предстает разрешением кризиса, к которому привело культивирование национального подхода к литературе. Курциус продуктивно инвертирует все принципы данного подхода, заменяя национализм европеизмом, стадиальность – континуальностью, свойственный «Literaturgeschichten» акцент на содержании – преимущественным вниманием к аспектам формы; в целом история литературы получает новую жизнь в «исторической топике». Из негативной реакции на установки национально ориентированной германистики и рождается создаваемая Курциусом «наука о европейской литературе».

Ключевые слова: Георг Гервинус; Йозеф фон Эйхендорф; Вильгельм Шерер; Эрнст Роберт Курциус; история национальной поэзии; наука о европейской литературе; историческая топика.

---

* Окончание. Начало см.: Литературоведческий журнал. 2020. № 1 (47).

Makhov A.E. From the national «Literaturgeschichten» to the «science of European literature»: an episode out of the history of German philology. P. 3: «The science of European literature»

Summary. Ernst Robert Curtius's book «European Literature and the Latin Middle Ages» is put in correlation with the «history of national poetry», which was one of the leading genres in 19th-century German philology. In this context, Curtius's book appears to be a solution of the crisis caused by the cultivation of a national approach to literature. Curtius productively inverts all the principles of this approach, replacing nationalism with Europeanism, stadianity with continuity, emphasis on content with primary attention to the aspects of form; in general, the history of literature gets a new life in a «historical topics». The «science of European literature» created by Curtius is born from a negative reaction to the attitudes of nationally oriented Germanistics.

Keywords: Georg Gervinus; Joseph von Eichenforff; Wilhelm Scherer; Ernst Robert Curtius; history of national poetry; science of European literature; historical topics.

На рубеже XIX–XX вв. понятие народа порой начинает переноситься «из культурного в генетическое измерение» [Fohrmann 1989: 239], что дает новые возможности подключить к историко-литературному дискурсу биологические понятия расы, рода и т.п. Такой подход имел для «Literaturgeschichte» поистине фатальные последствия. Адольф Бартельс в его «Истории немецкой литературы» [Bartels 1901–1902] варьирует уже знакомую нам агональную модель, но противниками немецкого духа оказываются теперь не культурно, а генетически чужие – писатели-евреи, которые не могли постичь немецкий дух и слиться с ним, а могли лишь его критиковать. Этот литературоведческий антисемитизм Бартельс проявлял и в «научной» полемике: в рецензии на «Историю немецкой литературы XIX столетия» (1900) Рихарда Мейера Бартельс пишет: «Еврей в действительности может произвести лишь критику, а не историю немецкой литературы, ибо он не знает, что нам [немцам. – A. M.] было необходимо и необходимо по-прежнему...» [Bartels 1900: 37].

Таково постыдное завершение – «крах», по выражению Юргена Формана, – проекта истории литературы, построенной на

национальной идеи. Вышедшая спустя полвека, в 1948 г., книга Эрнста Роберта Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье», казалось бы, к традициям «Literaturgeschichte» уже не имеет никакого отношения. Из мастеров этого жанра Курциус упоминает только Шерера, причем уважительно отзываются о его «великой (grosse)» «Истории...», ставшей «домашней книгой образованного бюргерства» [Curtius 1973: 507]. Однако по книге разбросано и немало критических уколов, имеющих отношение к немецкой литературной историографии. Курциус направляет свои парфянские стрелы и в сторону «истории литературы», и германистики в целом, и «литературоведения» как новомодной науки, и немецкой литературы как таковой, и даже немецкой ментальности. Все эти выпады, по отдельности кажущиеся не столь уж значительными, в сумме своей позволяют заключить, что создаваемая Курциусом «наука о европейской литературе» [Curtius 1973: 20] в известной степени возникает из реакции на национально ориентированную германистику и на создаваемые ею «Literaturgeschichten», нередко (как мы видели) идеализирующие немецкую нацию. Эти «Literaturgeschichten» Курциус отчасти и имеет в виду, когда иронизирует над «старомодной историей наших учебников», разделившей Европу на «пространственные и временные куски» [Curtius 1973: 16].

О неприязни Курциуса к слову «Literaturwissenschaft» мы уже говорили выше; здесь же важно отметить, что слово «литературовед» для романиста Курциуса почти синоним слову «германист»: «Литературоведы – по большей части германисты»; они не способны построить «науку о европейской литературе» по той причине, что «немецкая литература из всех так называемых национальных литератур наименее пригодна как отправное и наблюдательное поле для европейской литературы» [Curtius 1973: 21]. Как видим, одно это суждение превращает немецкую литературу из привилегированной (какой ее видела «Literaturgeschichte») в маргинальную. Но почему? Объяснение находим ниже. Немецкая литература не принадлежала к обширной области «Romania» – литератур на латыни и на романских языках. «Германия не могла состязаться с литературными всемирными силами Романии. Ее час впервые приходит с наступлением эпохи Гёте. До этого она получала влияния извне, но не излучала собственных». Зато «средне-

вековая Англия принадлежит к Романии» [Curtius 1973: 44–45] – видимо, потому, что в ней культивировалась латинская словесность. Но разве ее не было на германских землях? Именно здесь был создан первый рыцарский роман – и на латыни («Руодлиб»), другие латиноязычные памятники (например, «Вальтарий», анализируемый Шерером как образец германского эпоса). Суждение Курциуса кажется несправедливым; более чем категорично звучит и следующее суждение: «Германия оставалась отрезанной от великих духовных движений XII и XIII веков. Она мало участвовала в Ренессансе XII века и в науке XIII века» [Curtius 1973: 67]. Завершает эту череду «антинемецких» выпадов суждение о немцах как таковых, появляющееся в начале главы о значении риторики для европейской культуры: «В мире нашего образования риторике больше нет места. Врожденное недоверие к ней, кажется, свойственно немцу» [Curtius 1973: 71]. Немцы (вплоть до Гёте) оказываются чужды тому универсальному субстрату всей европейской литературы, каковым, по Курциусу, является риторика. Исключение немецкого начала из постулируемого Курциусом общеевропейского литературного единства не может не восприниматься как полная антитеза картине, рисованвшейся в «Literaturgeschichten»: последние говорили о немецкой исключительности – Курциус постулирует немецкую исключенность, конец которой кладет лишь эпоха Гёте.

Однако книга Курциуса не просто отрицает национальный подход к литературе, но продуктивно инвертирует его принципы. В первую очередь, конечно, национализм сменяется открыто и многократно декларируемой установкой на европеизм. Не столь открыто, но все же весьма последовательно обращены в свою противоположность другие принципы «Literaturgeschichte»: при сохранении принципа историзма историю литературы как науку предложено заменить другой наукой – «исторической топикой»; делению истории на стадии противопоставлено представление о литературе как исторически неделимом континууме; в истории словесности предлагается увидеть не телеологическое движение к раскрытию некой идеи, но «вневременное настоящее»; агональным ситуациям придается характер повторности – тем самым их драматизм сменяется успокоенностью вечного возвращения; наконец, вниманию «Literaturgeschichte» к инстанциям внелiterатур-

ным, но тем не менее понимаемым как содержание литературы, противопоставлен имманентный подход, сосредоточенный на элементах формы. Рассмотрим эти инверсии по отдельности.

3.1. Национализм vs европеизм

Европейская идея книги заложена уже в названии; возможность построения особой науки о европейской литературе обсуждается в первой главе, названной «Европейская литература», а первый выпад против национализма находим в перечне «ведущих принципов», предпосланном работе. Это цитата из Гёте: «...Не существует патриотического искусства и патриотической науки. И то и другое принадлежат, как и любые блага, всему миру...» [Curtius 1973: 7]. Понятно, что рассуждения о «душе народа», столь любимой авторами «Literaturgeschichte», вызывают у Курциуса откровенный скепсис – он прорывается, например, в сноске по поводу соображений Людвига Пфандля о проявлениях «испанской души (spanische Psyche)» в литературе испанского барокко: «Откуда знает Пфандль испанскую душу <...>? Из литературы... Выведение сути национальной литературы из гипостазированной национальной психологии весьма популярно во Франции, Германии, Испании, но оно имеет минимальную научную ценность» [Curtius 1973: 299]. Исследованиям «народной души» Курциус противопоставляет задачу европеизации, которую он в первой главе книги выводит за рамки литературной истории – речь идет об истории вообще: «Европеизация картины истории (Europäisierung des Geschichtsbildes) сегодня стала политическим требованием, и не только для Германии» [Curtius 1973: 17]. Построение науки о европейской литературе – лишь часть решения этой общей задачи, которая в политическом плане (весьма существенном для Курциуса), конечно, продиктована событиями Второй мировой войны: книга, как пишет Курциус в предисловии ко второму изданию, возникла не из потребности решить «чисто научные задачи», но из «заботы о сохранении западной культуры» [Curtius 1973: 9]. Ставится задача «продемонстрировать новыми методами единство этой [т.е. европейской. – А. М.] традиции в пространстве и времени». Но это можно сделать только «с универсальной точки зрения», которую и «предоставляет латинская

культура (Latinität)» [Curtius 1973: 9], существовавшая на протяжении тринадцати веков, «между Вергилием и Данте»; она и служит надежным фундаментом европейского единства.

В то же время Европа, конечно, не представляется Курциусу неким абсолютно гомогенным целым. Европа – «образование (Gebilde), причастное к двум культурным телам (Kulturkörgern) – антично-средиземноморскому и современно-западному (modern-abendländischen)». То же можно сказать и о европейской литературе: «...ее можно понять как целое, только объединив в едином видении оба ее компонента» [Curtius 1973: 19]. То, что названо компонентом «современно-западным», в значительной степени сводится к германскому началу: ведь далее Курциус, со ссылкой на Тойнби, говорит о начавшемся после смерти императора Феодосия «двойном римско-германском существовании» империи; отсюда можно вести начало Средних веков – новая культура, рождающаяся вместе с «каролингским ренессансом», является «римско-германской» [Curtius 1973: 32, 35]. Как, однако, это согласуется с приведенными нами выше «антинемецкими» пассажами, свидетельствующими об исключенности Германии из общеевропейско-латинской культурной области, которую Курциус обозначает словом *Romania?* Причастность Германии к римской культуре – идеал, достигнутый лишь в сознании лучших немецких поэтов уже Нового и Новейшего времени, почитаемых Курциусом Гёте и Стефана Георге. Говоря о любви Гёте к Риму, он приводит свидетельство Сюльписа Буассере, которому Гёте признался, что, как ему кажется, он однажды жил при императоре Адриане. Курциус поясняет, что приводит это свидетельство, потому что оно показывает «связь Германии, когда-то бывшей частью империи, с Римом», – свидетельство «не сентиментальной рефлексии, но причастности к самой сущности. В подобном осознании история становится современностью. Здесь мы познаем Европу» [Curtius 1973: 20]. «Мы» последней фразы загадочно: имеется ли в виду «мы, немцы»? Если это так, то «римско-германское единство» дано немцу опосредованно, через культурную память поэта. Немецкий поэт, который верит, что когда-то был римлянином, – символ этого единства, но в то же время и его единственная реальность.

3.2. История литературы vs историческая топика

Курциус мыслит свою книгу как часть «исторического взгляния на Европу», без которого само слово «Европа» останется лишь пустым именем [Curtius 1973: 16]. При этом, как мы уже видели, история «учебников», разделившая Европу на «пространственные и временные куски», отрицается – тем самым фактически отрицается и традиционный жанр «Literaturgeschichte», нередко в самом деле принимавший форму учебника. Итак, историзм – но не в форме истории литературы. Какую же форму должен принять этот «новый историзм»? В предисловии к седьмой главе книги Курциус пишет: «В нашем исследовании мы ориентируемся на учение греческой риторики. Из ее систематических понятий мы извлекаем исторические категории. В этом смысле наша книга могла бы быть названа *Nova Rhetorica*» [Curtius 1973: 138]. Итак, форма его исторического исследования – «новая риторика» или, как сказано в другой работе Курциуса, «историческая риторика» или «историческая топика» [Curtius 1972: 16]. Курциус строит свою историческую «науку о европейской литературе» на основе, которая была неведома «Literaturgeschichte», – на основе аппарата риторики, переосмыслиенного в исторической перспективе. Такому переосмыслинию подвергаются, например, риторические системы стилей и родов речи; но главной риторической категорией для Курциуса, безусловно, становится топос, «место». Книга в значительной мере и посвящена превращению риторической топики в систему собственно литературных топосов.

В риторике топосы – «склады аргументов (*sedes argumentorum*), где они скрыты и откуда их надлежит извлекать» (Квинтилиан. Воспитание оратора. V, 10, 20). Курциус определяет риторическую топику как «лавку-склад (*Vorratsmagazin*)» всех тех «общих мыслей, которые можно было употребить в любых речах и любых письменных текстах» [Curtius 1973: 89]. Как только этот «склад» стал обслуживать литературу, аргументы перестали выполнять функцию риторического убеждения, но превратились в устойчивые литературные «схемы мысли и выражения» [Curtius 1941: 1]. Так, формулы пейзажа в средневековой поэзии восходят к риторическому «аргументу от места» (*argumentum a loco*): оратор, восхваляя своего клиента, мог, для подкрепления своих доводов,

обратиться к описанию места, где тот родился; формулы этого описания, вы свободившись из риторики, перешли в поэзию. Оказывается, что «описание пейзажа можно связать с теорией нахождения эпидейктической речи» [Curtius 1973: 200]. В жанре панегирика риторика советовала обращаться к топосу «природы» – и этот топос переходит в стихотворный панегирик: природа, сотворившая такого героя (красавицу и т.п.), сама удивляется своему творению и т.п. [Curtius 1973: 189–190]. Топос нередко представляет собой метафору – и неудивительно, что к проекту исторической топики тесно примыкает и проект исторической метафорики, который Курциус приписывает Гёте, находя у него программу «исторической “тропики” или метафорики мировой литературы» [Curtius 1973: 307].

Курциус полагает, что в исторической топике он открыл особый имперсональный пласт словесной реальности, который лежит ниже личных стилей, ниже всех принятых разделений европейской литературы – разделений на эпохи, стили, направления. «Топос – нечто анонимное. <...> Ему <...> присуще временное и пространственное всеприсутствие (Allgegenwart). <...> В этом величественном стилевом элементе мы касаемся такого пласта исторической жизни, который лежит глубже, чем уровень индивидуального изобретения» [Curtius 1972: 14]. Пространственная метафора «пласта» – скрытого, лежащего ниже обозримой словесной реальности, – значима: Курциусу представляется, что он нисходит в ту глубину словесности, где европейская литература обнаруживает свое единство. Вместе с тем это уровень, так сказать, «малых величин», литературных микрочастиц – недаром Курциус называет свой метод «техникой филологического микроскопирования» [Curtius 1973: 235].

Итак, единство европейской литературы обнаруживается на ее микроуровне – его обеспечивают топосы-микрочастицы, способные к «всеприсутству», как выражается Курциус, т.е. к преодолению всевозможных границ. Во-первых, это границы языков. Для Курциуса топос переводим: как схема мысли, как устойчивая метафора – но все же не конкретная и застывшая словесная формула! – он не привязан к конкретному языковому выражению. Это значит, что он наднационален и принадлежит всей Европе: так, в знаменитой главе о метафоре мира как театра приведены тексты

на древнегреческом, латыни, французском, немецком, английском, испанском. Во-вторых, топос легко преодолевает границы жанров. Топос обращения к природе возникает в эпосе («Илиада»), далее попадает в трагедию («Прометей» Эсхила), в «плач» («Плач об Адонисе» Биона – и далее появляется в средневековых и более поздних стихотворениях на смерть), в греческий роман, в ренессансную букалическую поэзию, в послание (пародия на такое обращение – в «Послании к Юэ» Лафонтена), в барочную драму [Curtius 1973: 101–103]. Наконец, топос нечувствителен и к глобальным границам религиозных формаций: топос «Богини Природы», казалось бы, по сути своей языческий, встраивается в средневековую христианскую культуру.

«Филологическое микроскопирование» не сужает, но, напротив, расширяет зону виденья исследователя: «Широкий ландшафт средневековой литературы в перспективе топики освещается по-новому. Разъединенное соединяется в новые целостности; темные образы освещаются светом; выступают прежде незамеченные черты и вырисовываются новые линии...» [Curtius 1972: 14–15]. Свободная от границ огромная область исторической топики открыта для исследовательских перемещений в любых направлениях – для «свободной смены исторических времен и пространств» [Curtius 1973: 37].

3.3. Стадиальность vs континуальность

Рассмотрение литературы на микроуровне не только расширяет зону виденья, но и открывает то, что прежде было скрыто, – делает «видимыми континуальности (Kontinuitäten), которые до сих пор не были замечены. Техника филологического микроскопирования позволила нам выявить в текстах самого различного происхождения элементы идентичной структуры, которые мы осмыслили как константы выразительности (Ausdruckskonstanten), присущие европейской литературе» [Curtius 1973: 235]. Эти впервые замеченные «континуальности» делают континуальной и всю историю литературы – превращают ее в поток, метафора которого появляется среди «Руководящих принципов» в цитате из Петрония: «Разум не может ни замышлять, ни порождать, если не будет

наполнен огромным потоком словесности (*ingenti flumine litterarum*)» [Curtius 1973: 7].

Разумеется, этот «поток» един и не может быть разделен на пространственные или временные «куски» (*Raumstücke, Zeitstücke*), как презрительно определяет Курциус существующие деления европейской культуры [Curtius 1973: 16]. Выпады против таких делений разбросаны по книге – один из них завершает раздел о Данте: в его личности «трансцендируется Средневековье – а также, конечно, и деление на эпохи, созданное близорукой исторической наукой. Ее периодизацию давно забудут, в то время как Данте будет по-прежнему вызывать восхищение» [Curtius 1973: 383]. Само понятие Средневековья (*Mittelalter*), казалось бы, столь важное для всей концепции книги, Курциус объявляет бессмысленным (*sinnlos*): это «штамп, изобретенный итальянским гуманизмом и объяснимый только из его перспективы» [Curtius 1973: 30]. Конечно, чужда Курциусу и шереровская картина литературной истории как чередования «гор и ложбин» – периодов упадка и расцвета. Цитата из Якоба Буркхардта, помещенная в «Руководящие принципы», звучит как ответ Шереру: «И времена упадка и гибели имеют свое священное право на наше сочувствие» [Curtius 1973: 7].

Но что из себя представляет постулируемая Курциусом «континуальность»? В конце книги он предостерегает от ее упрощенного понимания: «Континуальность литературной традиции – упрощенное обозначение весьма сложного положения вещей»; традиция, «как и всякая жизнь», включает в себя и «исчезновение, и становление заново». Можно было бы построить «морфологию литературной традиции» [Curtius 1973: 396]. Эта морфология остается лишь намеченной; но основные формы – точнее было бы даже сказать «процессы», – в которых реализуется континуальность традиции по Курциусу, все же можно назвать.

Вместо типичной для *«Literaturgeschichte»* схемы чередования упадка и расцвета мы находим в исторической топике Курциуса чередование моментов обесценивания («умирания») и обновления («воскрешения») отдельных топосов. Так, топос одновременно юной и старой женщины – своего рода аналог более известного топоса *ruet-senex* – умирает и воскресает дважды. «Уже в V веке образ старо-юной сверхчеловеческой женщины был обесценен до риторического клише»; но тут же, у Боэция в «Утешении

философией», он «возвращает себе религиозную священность». Второй раз топос «воскресает» у Бальзака, в рассказе «Иисус Христос во Фландрии» (1831), где описано видение Церкви в образе старухи, которая вдруг превращается в прекрасную молодую женщину. «Это Церковь Гермы, внедренная в совсем другую эпоху», комментирует Курциус; «казалось бы, давно стертый (*verbraucht*) топос смог обновиться спустя полтора тысячелетия» [Curtius 1973: 114–115].

Другая форма проявления континуальности – повторность, вечное возвращение «константных феноменов литературной биологии», таких как противопоставление и спор древних и новых; чередование классицистического и маньеристского стилей [Curtius 1973: 9]. Любопытно, что в своей идее возвращения и / или вечного чередования «литературных констант» Курциус оказывается близок представителю критикуемой им духовно-исторической школы Фрицу Штриху (в работе, впрочем, ни разу не упоминаемому), который трактует как вечные и повторяющиеся классический и романтический стили [Strich 1922]. Правда, у Штриха эта вечная бинарность стилей осмыслена как отражение полярности самого человеческого духа, стремящегося увековечить себя либо в завершенности (*Vollendung* – ей соответствует классическое), либо в разомкнутости и бесконечности (*Unendlichkeit* – романтическое). Подобные экскурсы в сферу устройства человеческого духа Курциусу почти совсем чужды: он трактует классицизм и маньеризм как чисто литературные явления.

Континуальность может реализовывать себя в переносе, виды которого чрезвычайно разнообразны, но главный из них – безусловно, перенос всей риторической системы в область литературы. В этом процессе, определившем характер всей европейской словесности, можно было бы увидеть и закат риторики, если понимать ее узко, как публичное красноречие, пришедшее в упадок в Риме с концом республики. Однако Курциус, напротив, видит в нем расширение возможностей риторики, которая «открыла для себя новое поле посредством переноса (*Übertragung*) на римскую поэзию», – речь идет о применении в поэзии риторических приемов, которое начал последовательно осуществлять Овидий [Curtius 1973: 75]. Ценой утраты своей изначальной функции риторика проникла во все литературные жанры; «ее искусно разработанная

система стала общим знаменателем, учением о форме и сокровищницей литературных форм вообще». «Тем самым и топосы получили новую функцию. Они стали клише, общеупотребительными в литературе...» [Curtius 1973: 79]. В рамках этого базового переноса совершаются и частные переносы: риторические приемы античной прозы (рекомендованные Цицероном исоколон, антитеза, гомеотелевт) использованы в «Исповеди» Августина – «средства античной риторики поступают на службу новому христианскому душевному миру»; элементы эпидейктической речи перенесены во многие жанры (например, в laudatio городов и стран) и тематические сферы [Curtius 1973: 84, 165–166]. Курциус отмечает чрезвычайную важность для литературы именно «схем хвалебной топики», которая позволяла выразить целый круг идеальных представлений: в эти схемы «одеты сословные и жизненные идеалы поздней Античности, Средневековья, Ренессанса, XVII века... Риторика несет в себе образ идеального человека. Она определила на века и идеальный пейзаж в поэзии» [Curtius 1973: 191]. Наконец, перенос может принимать форму заимствования: Курциус отмечает, что в романе Мадлен де Сюдери «Ибрагим» использована одна из «контроверз» Сенеки Старшего – «Контроверза о дочери предводителя пиратов»; тем самым роман испытал влияние схематики риторических упражнений [Curtius 1973: 164]. Курциус, конечно, не знал, что идею происхождения романа из риторических контроверз до него разработал Борис Александрович Грифцов (в «Теории романа», 1927). Кроме того, континуальность может принимать и статичную форму неких устойчивых представлений, существующих веками. Таково, например, представление о том, что литературный стиль должен быть украшенным: Курциус демонстрирует неизменность этого представления тремя поэтиологическими высказываниями – Квинтилиана, Данте и Мармонтеля [Curtius 1973: 80–81].

Литературный процесс выглядит как непрерывная трансляция топосов – из эпохи в эпоху, от автора к автору. «Неузнавание топосов» (даже вынесенное в особую позицию в предметном указателе книги) таит опасность для филолога: топос можно принять за отображение реальности или за выражение личного авторского «переживания». В «Благословении блюд» из монастыря Санкт-Галлен историки видели документ, дающий представление о мона-

стырской кухне, – но набор блюд заимствован из Исидора Севильского (чем и объясняется наличие в нем «фиг», не растущих в Швейцарии) и не имеет отношения к реальности [Curtius 1973: 191–192]. Хильдегарий, епископ Мо, упоминанием якобы всенародно известной песни (*sarmen*), славящей победу франкского короля Хлотаря II, заставил филологов поверить в существование «меровингской героической поэзии», – однако Хильдегарий лишь разрабатывает эпидейтический топос «все воспевают его» [Curtius 1973: 170–171], его «свидетельство» имеет чисто риторическую природу и опять же никак не обусловлено реальностью¹.

Неужели в этот процесс трансляции никогда не вторгается личный опыт автора, его «переживание»? Курциус порой готов такое вторжение признать. Так, в главе «Содомия» он говорит о шедевре некоего веронского клирика IX в. – любовном стихотворении, обращенном к мальчику: «Веронское стихотворение упрашено с ученостью, но в нем выражена некая единственная, пережитая (*erlebte*) ситуация». Но тут же следует оговорка: когда поэт XII в., т.е. более поздней эпохи, «выбирает в качестве материала любовь к мальчику, часто бывает трудно решить, имеем ли мы дело с подражанием литературным образцам (*imitatio*) или же говорит собственное чувство» [Curtius 1973: 124–125]. Все-таки чаще Курциус высказывается против «переживания» – этого дильтеевского «Erlebnis», которое он порой берет в скобки как своего рода цитату из терминологического фонда низко ценимого им духовно-исторического литературоведения²: «Уже из риторического характера средневековой поэзии следует, что при интерпретации стихотворения нужно задаваться вопросом не о лежащем в его основе

¹ Все это относится и к картинам природы: «Средневековые описания природы не стремились передавать реальность»; в описании «идеального ландшафта» «поэт не заботился и не должен был заботиться о том, могут ли перечисленные им виды присутствовать в одном и том же лесу», – вся прелест состояла в «богатстве, роскоши номенклатуры» [Curtius 1973: 191, 201–202].

² Скрыто и точечно критикуется и понятие «духа» в трактовке школы, и герменевтический подход в духе Дильтея. «Легкомысленно конструируемая “история духа”, которая после первой мировой войны заняла место филологии, была симптомом научного упадка»; и страницей ниже: «задача филолога – наблюдение (*Beobachtung*)» [Curtius 1973: 385–386]. Наблюдение, *observatio* (Курциус тут же дает этот латинский эквивалент) – значит, не «понимание» в дильтеевском смысле.

“переживании”, но о предмете, который в нем трактуется» [Curtius 1973: 167]. Экскурс о «формулах благочестия и смирении», демонстрирующий конвенциональность выражения этих чувств в средневековых текстах, Курциус завершает пояснением: «...мои замечания должны предостеречь от того, чтобы делать Средневековые более христианским или благочестивым, чем оно было на самом деле. Устойчивую литературную формулу нельзя трактовать как выражение спонтанного настроения» [Curtius 1973: 414].

3.4. Телеологическое движение к цели vs «вневременное настоящее»

Вдохновлявшей «Literaturgeschichte» идею телеологического движения к заложенной цели – самораскрытию национального духа, художественной самореализации души народа и т.п. – Курциус противопоставляет идею литературы как «вневременного настоящего», «zeitlose Gegenwart». «Для литературы все прошлое – настоящее», «ist alle Vergangenheit Gegernwart» [Curtius 1973: 24]. Формула «вневременного настоящего» означает, что «литература прошлого всегда действенна в литературе любого настоящего. Так Гомер [действенен] в Вергилии, Вергилий в Данте, Платон и Сенека в Шекспире, Шекспир в “Гёце фон Берлихингене” Гёте, Еврипид в “Ифигении” Расина и Гёте» [Curtius 1973: 25].

Такое представление о литературе, конечно, отмечает идею стадиального развития, которое в «Literaturgeschichte» представлялось постепенным и неравномерным накоплением неких позитивных качеств – будь то художественный вкус по Гервинусу или толерантность по Шереру. Курциус видит в истории литературы не накопление ценностей, но вечное присутствие ценностей вневременных, персонифицированных при этом в идее канона, чрезвычайно важной для его концепции. К теме канона как идеального сообщества образцовых поэтов он возвращается несколько раз – и почти при каждом возвращении появляется мотив «вневременного», «zeitlose». Шесть поэтов у Данте – «идеальное сообщество» равных поэтов, «прекрасная школа (*la bella scuola*), обладающая вневременной авторитетностью» [Curtius 1973: 28]. В разговоре о средневековом каноне «школьных авторов» – тот же мотив: для

Средневековья «все auctores – одинаково ценные и вневременные (gleichwertig und zeitlos)» [Curtius 1973: 61].

Однако в эпилоге книги идея вневременного канона претерпевает, по собственному выражению Курциуса, «диалектический поворот». «Мы говорили о формах и духе» – но что становится с формами, если дух из них окончательно и бесповоротно ушел? Курциус предлагает нам представить себе дом гуманиста (примером служит иконографический мотив «Иероним в своей студии»), из которого ушел сам гуманист: дом опустел – такова и литературная форма, в которой «дух» больше не нуждается; сонет – пример такой изношенной, опустевшей формы.

Вывод неожидан: пустые формы нам не нужны – «забвение так же полезно, как память». «Нам нужен не склад традиции, а дом, где мы можем дышать, – тот “Дом красоты”, который творческие умы всех поколений постоянно строят совместными усилиями». «Дом красоты», «House Beautiful» – образ, заимствованный у Уолтера Пейтера; этот вечно строящийся дом противопоставлен опустевшему кабинету гуманиста – метафоре «пустой формы». «Дом красоты» – метафора канона уже в новом его понимании: канона будущего. Новый канон по-прежнему будет «сообществом творческих умов»; эти умы будут связаны «идеей красоты, о которой мы знаем, что ее образы меняются и обновляются. Вот почему Дом красоты никогда не готов и не замкнут (nie fertig und abgeschlossen). Он продолжает строиться, он остается открытым» [Curtius 1973: 399–400].

Кажется, это единственное место в книге, где Курциус пытается спроектировать свою литературную концепцию на будущее. Он сохраняет при этом столь важную для него идею канона, но она, как видим, претерпевает серьезное изменение: используя упомянутую выше оппозицию Фрица Штриха, можно сказать, что канон «завершенности» – а анализируемые Курциусом средневековые каноны авторов, конечно, завершены и закрыты – сменяется каноном «бесконечности», в смысле разомкнутости и открытости. Нельзя не заметить сходства этих двух видов канона с двумя видами поэзии (*Dichtarten*) в знаменитом 116-м фрагменте Фридриха Шлегеля. Романтический вид поэзии пребывает в становлении и «вечно будет в становлении, он никогда не может быть завершен (nie vollendet sein kann)», прочие же виды поэзии завершены,

«готовы» (*fertig*) [Schlegel 1798: 206]. В обоих случаях «готовость» (передаваемая у обоих авторов словом *fertig*) противопоставлена вечной незавершности: Курциус использует одну из оппозиций, которыми так богата раннеромантическая поэзология, чтобы впинать в нее, казалось бы, совершенно чуждую романтизму идею канона.

3.5. Укрощение агональности

Истории немецкой литературы представляли поэтическую реализацию народного духа драматически – как борьбу с чуждыми ему, инородными началами. Курциус не отказывается от представления об агональности литературного процесса, но трактует агон совсем иначе. Он осмыслен не как борьба с «чужим», которое извне вторгается в поэтическую жизнь народного духа, – агон у Курциуса заключен в саму систему словесности, вписан в ее структуру как ее обязательный момент. Кроме того, если в «Literaturgeschichte» чужое, с которым был вынужден бороться народный дух, на каждом этапе истории было разным, то у Курциуса агональная ситуация обречена возвращаться и повторяться – именно потому, что она является моментом всей литературной системы.

Таких агональных ситуаций по крайней мере две. Первая из них – антагонизм поэзии и философии. Критика поэзии со стороны философии кульминирует у Платона, но начинается раньше, с пробуждением «научного мышления» в ионийской натурфилософии. «Восстание логоса против мифа» было в то же время восстанием «против поэзии»: «Гесиод порицал эпос во имя истины». Это «восстание» лишено уникальности, обречено на повторение: ведь «спор между философией и поэзией» «заложен в структуре духовного мира. Поэтому он всегда может разгореться вновь <...>, и философия всегда будет иметь в нем последнее слово, ибо поэзия ей не отвечает. У нее есть собственная мудрость» [Curtius 1973: 211]. Драматизм «споров» смягчается не только его «вечными возвращениями», но и смешением понятий «поэзия» и «философия», облегчившим примирение спорящих сторон. От агона поэзии и философии Курциус плавно переходит к линии их сближения, ведя ее от гомеровской аллегорезы, трактовавшей гомеровские поэмы как философию под покровом иносказания: «Гомеровская

аллегореза возникла как оправдание поэзии перед лицом философии» [Curtius 1973: 212]. Средние века видят философов в римских поэтах – прежде всего в Вергилии, но также в Лукане; Курциус не упускает и комический оттенок этой идеи, когда находит в стихотворениях Александра Некама «созвучное любому времени доказательство, что лучшая философия – в вине: Вакх ведь второй Аристотель, *dux philosophie*» [Curtius 1973: 214]. «Смешению философии с поэзией, риторикой, мудростью и различными школьными дисциплинами положила конец высокая схоластика»: Фома Аквинский решительно отделяет философию от artes. И все же топос «поэзия – та же философия» продолжает жить. Раздел об агоне – и вместе с тем союзе – поэзии и философии Курциус завершает цитатой из Леопарди: «...la scienza del bello scrivere è una filosofia...» [Curtius 1973: 220].

Вторая агональная ситуация – противостояние классицизма (*Klassik*) и маньеризма, трактуемое как «полярность», которая заложена в самой структуре литературы. Речь фактически идет о двух манерах выражения: простой, естественной и усложненной, неестественной; их противостояние восходит к риторической оппозиции речи простой и речи украшенной (*sermo planus* – *sermo ornatus*). Термин «маньеризм» Курциус использует в специфическом, очень широком смысле: как «общий знаменатель для всех литературных тенденций, которые противостояли классицизму» [Curtius 1973: 277]. Маньерист, в какую бы эпоху он ни жил, «хотел выражаться не нормально, а аномально», предпочитая искусственное – естественному [Curtius 1973: 286]; в таком понимании маньеризм оказывается «константой европейской литературы», «явлением, дополняющим классицизм всех эпох» [Curtius 1973: 277]. Курциус готов довести маньеристскую линию до Новейшего времени включительно, обнаруживая маньеризм у Малларме и даже у Джеймса Джойса: творение всей его жизни – «что иное, если не огромный маньеристский эксперимент?» [Curtius 1973: 304–305].

Полярность манер впервые оформляется в Античности: «Азианизм – первая форма европейского маньеризма, аттицизм – европейского классицизма» [Curtius 1973: 76]; далее их противостояние многократно воспроизводится, нередко в виде столь же древнего спора старых и новых, ведь «классические писатели всегда “старые”». Спор старых и новых – такой же «константный

феномен литературной истории и литературной социологии», как и полярность классицизма и маньеризма; уже Аристарх противопоставлял Гомера «новым» [Curtius 1973: 256]. Этот спор прослеживается до XIX в. включительно: оппозиция классицизма и романтизма – «одна из позднейших форм противопоставления “древних” и “новых”» [Curtius 1973: 274].

Итак, у Курциуса агон возникает не из-за какого-то внешнего вторжения («чужаков», по Гервинусу), которое нарушает естественную жизнь национальной поэзии. Агон заложен в структуру словесности как ее константа, как явление нормальное и повторяющееся. В силу своего «вечного возвращения» агон перестает быть фактором разделения литературы и становится фактором ее единства: поэзия и философия, классицизм и маньеризм в их вечном споре предстают необходимыми элементами литературы и духовного мира в целом и в этом смысле оказываются не столько конфликтующими, сколько взаимодополняющими началами.

3.6. История содержаний vs история форм

Истории национальной литературы мыслили себя как истории «содержаний» – идей, эстетических и моральных идеалов, чувств и т.п. Этой установке на «содержания» Курциус противопоставляет своеобразный формализм, хорошо осознаваемый им самим: «Формальный элемент литературы в наших анализах сильно выдвинут на передний план...» [Curtius 1973: 392]. Но что это за формальный элемент? Схемы, предпосланные творчеству, без которых поэт не может сочинять, – к ним относятся и топосы, определяемые как «схемы мысли и выражения» [Curtius 1941: 1]. Курциус сравнивает литературные формы с кристаллическими решетками, с линзами, собирающими рассеянный свет: «...поэтическая субстанция кристаллизуется в формальной схеме (*Gestaltschema*)»; благодаря форме «духовное» становится видимым и постигаемым [Curtius 1973: 394]. Но филолог должен сделать «видимой» саму форму (схему): надо «“растворить”» (*auflösen* – Курциус подчеркивает, что взял этот глагол из химической терминологии) материал», чтобы «сделать видимыми его структуры» [Curtius 1973: 25].

На решение этой задачи – сделать видимыми формы (структуры, схемы) европейской литературы – направлен весь труд,

представляющий собой историю ее форм. В чем, однако, может заключаться история форм, если они почти неизменны и составляют в литературе «элемент постоянства (Beharrens)» [Curtius 1973: 395]? Одна и та же форма может заключать в себя разные смыслы; она подобна переменной, способной принимать разные значения. В изменении значений, собственно, и состоит ее история. Это нетрудно показать на примере главы «Музы». Казалось бы, образ музы – элемент содержания; но Курциус утверждает: «Музы принадлежат к константам формы (Formkonstanten) литературной традиции». Но почему все-таки – формы? У муз нет индивидуальности, «они воплощают чисто духовный принцип» [Curtius 1973: 235–236]. И главное – с ними связана схема, которая наполняется в разные эпохи различными содержаниями. Эта схема – обращение к музам. Ее историю Курциус и прослеживает. Гомер просит у муз фактов; Вергилий – познания космических законов; у Овидия обращение к «шаловливой» музе (*musa iocosa*) принимает оттенок иронии; Гораций пародирует это обращение. Муза в схеме обращения вообще может заменяться: Тибулл вместо муз призывает друга, Проперций – возлюбленную; поэт может обращаться к собственному духу (уже у Пиндара); Батлер в «Гудибрассе» вместо музы взывает к пивной кружке и т.д. У христианских поэтов обращение к музам порой заменяется подчеркнутым отказом от него [Curtius 1973: 236–252]. В качестве таких же переменных, способных иметь разные значения, могут выступать не только топосы-«схемы», но и метафоры: в главе о «метафорах еды» показано, что «едой» в разных контекстах может быть поэзия, религия, любое знание, Бог, истина и т.п.

Формализм Курциуса проявляется и в его интересе к числовым схемам. Он обнаруживает в средневековой словесности особый принцип формы, отличный от более поздних композиционных принципов, – композицию числовую (*Zahlenkomposition*), т.е. основанную на неких «правильных» или символически значимых числах (вершинный пример такой композиции – конечно, «Комедия» Данте). Особый экскурс он посвящает «числовым речениям (*Zahlensprüche*)», объединяющим те или иные предметы, качества, процессы в ряды, ограниченные определенным числом: тройкой (три достоинства поэзии; три качества райского яблока), четверкой (четыре «лесных шума» у Кальдерона), пятеркой (открытый

Курциусом интереснейший топос «пяти пунктов любви») и т.д. [Curtius 1973: 499–502]. Скрытые числовые схемы он обнаруживает и в описаниях «*locus amoenus*», показывая, что выбор предметов в них нередко диктовался символикой пяти чувств или четырех стихий [Curtius 1973: 204].

Числовой формализм становится для Курциуса полемическим орудием в самом развернутом критическом разделе книги – экскурсе о «Рыцарской системе добродетелей» (по поводу самой темы Курциус саркастически замечает, что это «любимая область германистики»). Беспощадному разгрому подвергнута работа Густава Эрисмана «Основы рыцарской системы добродетелей» (1919) – однако критика метит и шире, в германистику вообще, а также в любую медиевистику, ограниченную национальными рамками. Такая медиевистика склонна «подменять неизвестную конкретику несуществующими абстракциями» [Curtius 1973: 507]. В случае Эрисмана «несуществующей абстракцией» оказывается «моральная философия» Вальтера фон дер Фогельвейде, якобы основанная на трех ценностях – Божьей милости, чести и земном благе. Курциус считает, что эта триада произвольно вытащена из набора общих мест куртуазной поэзии и превращена в этическую концепцию. На самом деле всё объясняется формальным приемом: Вальтер любит числовые изречения, образуя из понятий диады, триады, тетрады вроде «вино, женщины и любовь». Мышление Вальтера было основано на числовых схемах; при желании среди его схем можно найти и триаду «рыцарских добродетелей».

Курциус проделывает здесь именно то, что он и объявляет своей методикой в начале книги: «растворяет» содержания, поиском которых занимались и германистская медиевистика, и «Literaturgeschichte», чтобы сделать видимыми подлинные основы литературной системы – универсальные схемы, устойчивые формы.

Движение немецкой филологии от национализма к европеизму, очерченное в данной статье, не сводилось к простому механическому расширению предмета – замене одной изучаемой литературы суммой литератур, как предполагалось в европейском проекте романтиков. Чтобы осмыслить европейскую литературу не как сумму, но как неделимую целостность, потребовалась принципиально новая точка зрения на весь механизм словесности,

новое понимание ее историчности, что, в свою очередь, привело к радикальной инверсии всех принципов «Literaturgeschichte», произведенной Курциусом. В конечном итоге наука о европейской литературе стала возможна лишь как история ее формальных элементов, в своей универсальности свободных и от национальной, и от личной характерности.

Сколь бы далекой ни казалась книга Курциуса от литературных историй XIX в., почти им и не упоминаемых, их связывает логика – правда, не преемственности, но отталкивания: именно кризис истории литературы породил тот парадоксальный историзм без истории (в ее традиционном понимании), который лежит в основе созданной Курциусом науки о европейской литературе. Выходом из кризиса стал парадокс, этим кризисом и легитимированный.

-
- Лессинг 1936 – *Лессинг Г.Э. Гамбургская драматургия* / Пер. И.П. Рассадина. М.; Л.: Academia, 1936.
- Михайлов 2006 – *Михайлов А.В. Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры* // *Михайлов А.В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.
- Шлегель 1983 а – *Шлегель Ф. История европейской литературы* // *Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика* / Вступ. статья, составление, перевод Ю.Н. Попова. Т. 2. М.: Искусство, 1983.
- Шлегель 1983 б – *Шлегель Ф. Разговор о поэзии* // *Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика* / Вступ. статья, составление, перевод Ю.Н. Попова. Т. 1. М.: Искусство, 1983.
- Яусс 1995 – *Яусс Х.Р. История литературы как провокация для литературоведения* / Пер. Н. Зоркой // Новое литературное обозрение. 1995. № 12.
- Alberti 1890 – *Alberti C. Die Zukunft der deutschen Literaturgeschichte* // *Alberti C. Natur und Kunst. Beiträge zur Untersuchung ihres gegenseitigen Verhältnisses*. Lpz., 1890.
- Bartels 1900 – *Bartels A. Ein Berliner Literaturhistoriker*. Dr. Richard M. Meyer und seine «deutsche Literatur». Lpz.; B., 1900.
- Bartels 1901–1902 – *Bartels A. Geschichte der deutschen Litteratur*. 2 Bde. Lpz., 1901–1902.
- Baumann 1762 – *Baumann L.A. Kurzer Entwurf einer Historie der Gelehrsamkeit*. Brandenburg; Lpz., 1762.
- Beise 2016 – *Beise A. Schmid Ch.G. // The Bloomsbury Dictionary of Eighteenth-Century German Philosophers*. L.; Oxf. etc.: Bloomsbury, 2016.

- Berlin 2013 – *Berlin I. Three Critics of the Enlightenment: Vico, Hamann, Herder.* Second Edition. Princeton; Oxf., 2013.
- Bernhardy 1830 – *Bernhardy G. Grundriss der Römischen Litteratur.* Halle, 1830.
- Blanckenburg 1999 – *Blanckenburg F. von. Versuch über den Roman // Romantheorie. Texte vom Barock bis zur Gegenwart.* Stuttgart, 1999.
- Bouterwek 1801 – *Bouterwek F. Geschichte der Poesie und Beredsamkeit seit dem Ende des dreizehnten Jahrhunderts.* 12 Bde. Bd 1. Göttingen, 1801.
- Brederlow 1844 – *Brederlow Ch. G.F. Vorlesungenüber die Geschichte der deutschen Literatur.* 2 Tle. Tl 1. Lpz., 1844.
- Breitenbauch 1811 – *Breitenbauch G.A. von. Geschichte und Annalen der deutschen Dichtkunst.* Lpz., 1811.
- Brenning 1886 – *Brenning E. Geschichte der deutschen Literatur.* Lahr, 1886.
- Carrière 1874 – *Carrière M. Die Kunst im Zusammenhang der Culturentwicklung und die Ideale der Menschheit.* 5 Bde. 2 Aufl. Bd 5. Lpz., 1874.
- Curtius 1941 – *Curtius E.R. Beiträge zur Topik der mittellateinischen Literatur // Corona Querneia. Festgabe Karl Strecker zum 80. Geburtstag.* Lpz., 1941.
- Curtius 1972 – *Curtius E.R. Begriff einer historischen Topik (1938–1949) // Toposforschung. Eine Dokumentation / Hrsg. von Jahn P.* Frankfurt a. M., 1972.
- Curtius 1973 – *Curtius E.R. Europäische Literatur und lateinische Mittelalter.* 8 Aufl. Bern; München, 1973.
- Docen 1807 – *Docen B.J. Vorrede / Miscellanee zur Geschichte der teutschen Literatur...* Bd 2. München, 1807.
- Eichendorff 1976 – *Eichendorff J. von. Geschichte der poetischen Literatur Deutschlands // Eichendorff J. von. Werke.* In 5 Bdn. Bd 3. München, 1976.
- Eichhorn 1812 – *Eichhorn J.G. Litterärgeschichte.* 2 Aufl. Göttingen, 1812.
- Elster 1894 – *Elster E. Die Aufgaben der Litteraturgeschichte.* Halle, 1894.
- Fohrmann 1989 – *Fohrmann J. Das Projekt der deutschen Literaturgeschichte. Entstehung und Scheitern einer nationalen Poesiegeschichtsschreibung zwischen Humanismus und Deutschen Kaiserreich.* Stuttgart, 1989.
- Fortlage 1839 – *Fortlage C. Vorlesungenüber die Geschichte der Poesie, gehalten in Dresden und Berlin im Jahre 1837.* Stuttgart; Tübingen, 1839.
- Gelzer 1841 – *Gelzer H. Die deutsche poetische Literatur seit Klopstock und Lessing.* Lpz., 1841.
- Gervinus 1835 – *Gervinus G. Geschichte der Poetischen National-Literatur der Deutschen.* 5 Bde. Bd 1. Lpz., 1835.
- Gervinus 1838 – *Gervinus G. Geschichte der Poetischen National-Literatur der Deutschen.* 5 Bde. Bd 3. Lpz., 1835.
- Gervinus 1842 – *Gervinus G. Geschichte der poetischen National-Literatur der Deutschen.* 5 Bde. Bd 5. Lpz., 1842.
- Gervinus 1844 – *Gervinus G. Geschichte der poetischen National-Literatur der Deutschen.* 2 Aufl. 5 Teil. Lpz., 1844.
- Gervinus 1871 – *Gervinus G. Geschichte der deutschen Dichtung.* 5 Aufl. Bd 1. Lpz., 1871.

- Gervinus 1962 a – *Gervinus G.* Grundzüge der Historik // *Gervinus G.* Schriften zur Literatur. B., 1962.
- Gervinus 1962 b – *Gervinus G.* Prinzipien einer deutschen Literaturgeschichtsschreibung // *Gervinus G.* Schriften zur Literatur. B., 1962.
- Görres 1807 – *Görres J. (hrsg.)*. Die deutschen Volksbücher. Heidelberg, 1807.
- Gottschall 1860 – *Gottschall R.* Die deutsche Nationalliteratur der ersten Hälfte des neunzehnten Jahrhunderts. 2 vermehrte Aufl. Bd 1. Breslau, 1860.
- Gottsched 1989 – *Gottsched J.Chr.* Versuch einer Critischen Dichtkunst vor die Deutschen // *Gottsched J.Chr.* Schriften zur Literatur. Stuttgart, 1989.
- Grimm 1864 – *Grimm J.* Gedanken wie sich die Sagen zur Poesie und Geschichte verhalten // *Grimm J.* Kleinere Schriften. Bd 1. B., 1864.
- Grimm 1869 – *Grimm J.* Beweis dasz der Minnesang Meistersang ist (1807) // *Grimm J.* Kleinere Schriften. Bd IV. B., 1869.
- Grimm 1875 – *Grimm J.* Deutsche Mythologie. 4 Ausg. B., 1875.
- Herder 1880 – *Herder J.G.* Rezension zu A.L. Schlözers «Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen» // *Herder J.G.* Sämmliche Werke. Bd 20. B., 1880.
- Herder 1885 – *Herder J.G.* Volkslieder [предисловие ко второй части] // *Herder J.G.* Sämmliche Werke. Bd 25. B., 1885.
- Hettner 1856–1870 – *Hettner H.* Literaturgeschichte des achtzehnten Jahrhunderts. 6 Bdn. Braunschweig, 1856–1870.
- Hettner 1872 – *Hettner H.* Geschichte der deutschen Literatur im achtzehnten Jahrhundert. Buch 3: Das klassische Zeitalter der deutschen Literatur. Abt. 2: Das Ideal der Humanität. 2. umgearb. Aufl. Braunschweig, 1872.
- Hettner 1959 – *Hettner H.* Schillers Anthologie (1850) // *Hettner H.* Schriften zur Literatur. B., 1959.
- Hillebrand 1845 – *Hillebrand J.* Die deutsche Nationalliteratur seit dem Anfange des achtzehnten Jahrhunderts, besonders seit Lessing, bis auf die Gegenwart. 3 Thle. Hamburg und Gotha, Tl 1. 1845.
- Jördens 1812 – *Jördens K.H.* Denkwürdigkeiten, Charakterzüge und Anekdoten aus dem Leben der vorzüglichsten deutschen Dichter und Prosaisten. 2 Bde. Bd 1. Lpz., 1812.
- Laube 1839–1840 – *Laube H.* Geschichte der deutschen Literatur. 4 Bde. Stuttgart, 1839–1840.
- Link 1983 – *Link J.* Die mythische Konvergenz Goethe-Schiller als diskurskonstitutives Prinzip deutscher Literaturgeschichtsschreibung im 19. Jahrhundert // Der Diskurs der Literatur- und Sprachhistorie / Hrsg. von H.U. Gumbrecht und B. Cerquiglini. Frankfurt. a. M., 1983. S. 225–242.
- Menzel 1828 – *Menzel W.* Die deutsche Literatur. 2 Thle. Tl 1. Stuttgart, 1828.
- Meusel 1799 – *Meusel J.G.* Leitfaden zur Geschichte der Gelehrsamkeit. Lpz.: Fleischer, 1799.
- Meyr 1838 – *Meyr M.* Ueber die poetischen Richtungen unserer Zeit. Erlangen, 1838.
- Nasser 1798–1800 – *Nasser J.A.* Vorlesungen über die Geschichte der deutschen Poesie. Bde 1–2. Altona und Lpz., 1798–1800.

- Novalis 1965 – *Novalis. Logologische Fragmente // Novalis. Schriften. Bd 2: Das philosophische Werk.* 1. Stuttgart: Kohlhammer, 1965.
- Prutz 1981 – *Prutz R. Einleitung zur Geschichte des deutschen Journalismus (1845) // Prutz R. Zu Theorie und Geschichte der Literatur.* B., 1981.
- Raumer 1870 – *Raumer R. von. Geschichte der Germanischen Philologie vorzugsweise in Deutschland.* München, 1870.
- Rinne 1842 – *Rinne K.-F. Innere Geschichte der Entwicklung der deutschen National-Litteratur.* Lpz., 1842.
- Schelle 1780 – *Schelle A. Abriss der Universalhistorie zum Gebrauch der akademischen Vorlesungen.* Tl I. Salzburg, 1780.
- Scherer 1864 – *Scherer W. Ueber den Ursprung der deutschen Literatur.* Vortrag. B., 1864.
- Scherer 1875 – *Scherer W. Geschichte der Deutschen Dichtung im 11. und 12. Jahrhundert.* Straßburg: Trübner, 1875.
- Scherer 1877 – *Scherer W. Goethe-Philologie // Im neuen Reich.* 7, Heft 1. 1877.
- Scherer 1884 – *Scherer W. Geschichte der deutschen Litteratur.* 2 Ausg. B., 1884.
- Scherer 1975 – *Scherer W.H. Hettners Litteraturgeschichte des 18 Jahrhunderts (1865) // Literaturwissenschaft und Literaturgeschichte. Ein Lesebuch zur Fachgeschichte der Germanistik.* München, 1975.
- Scherr 1854 – *Scherr J. Geschichte der deutschen Literatur.* 2 verbesserte Ausg. Lpz., 1854.
- Schlegel 1798 – *Schlegel F. Fragmente // Athenaeum. Ersten Bandes zweytes Stück // Athenaeum. 1798–1800. Facsimile Edition.* Stuttgart, 1960. Bd 1.
- Schlegel 1884 – *Schlegel A.W. Vorlesungen über schöne Litteratur und Kunst.* 3 Teile in 2 Bdn. T. 3. Heilbronn, 1884.
- Schlegel 1958 – *Schlegel F. Geschichte der europäischen Literatur // Schlegel F. Kritische Ausgabe seiner Werke.* Bd 11. Paderborn; München; Wien, 1958.
- Schlegel 1960 – *Schlegel F. Vorlesungen über Universalgeschichte // Schlegel F. Kritische Ausgabe seiner Werke.* Bd 14. Paderborn, 1960.
- Schlegel 1961 – *Schlegel F. Geschichte der alten und neuen Literatur (Wiener Vorlesungen) // Schlegel F. Kritische Ausgabe seiner Werke.* I Abt., Bd 6. München; Paderborn; Wien, 1961.
- Schmid 1781 – *Schmid Ch.H. Anweisung der vornehmsten Bücher in allen Theilen der Dichtkunst.* Lpz., 1781.
- Schmidt 1853 – *Schmidt J. Geschichte der deutschen Nationalliteratur im neunzehnten Jahrhundert.* 2 Bde. Lpz., 1853.
- Stolle 1718 – *Stolle G. Anleitung zur Historie der Gelahrtheit.* Halle, 1718.
- Strich 1922 – *Strich F. Deutsche Klassik und Romantik oder Vollendung und Unendlichkeit. Vergleich.* München, 1922.
- Szondi 1961 – *Szondi P. Versuch über das Tragische.* Frankfurt am Main, 1961.
- Turner 2014 – *Turner J. Philology. The Forgotten Origins of the Modern Humanities.* Princeton; Oxf., 2014.
- Vilmar 1873 – *Vilmar A.F. Geschichte der deutschen National-Litteratur.* 15 Aufl. Marburg; Lpz., 1873

- Weimar 1989 – *Weimar K.* Geschichte der deutschen Literaturwissenschaft bis zum Ende des 19. Jahrhunderts. München, 1989.
- Wellek 1966 – *Wellek R.* A History of Modern Criticism. 1750–1950. In 5 vol. Vol. 3. L., 1966.
- Wetz 1891 – *Wetz W.* Über Litteraturgeschichte. Worms, 1891.
- Žbikowska-Migoń 1994 – *Žbikowska-Migoń A.* Anfänge buchwissenschaftlicher Forschung in Europa: dargestellt am Beispiel der Buchgeschichtsschreibung des 18. Jahrhunderts / Übersetzt von A. Fleischer. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1994.
- Zimmermann 1846 – *Zimmermann W.* Geschichte der prosaischen und poetischen deutschen Nationalliteratur. Stuttgart, 1846.